

* * *

***В ГЛУБИНЕ
РУБЦОВСКОЙ СТРОКИ
Доклады учащихся***

~~~~~В. В. Судаков
Ректор ВИРО

РУБЦОВ

Деревья тут заметно ниже
Воспетых им седых дубрав.
И, может быть, поэту ближе
Венок из скромных бедных трав.

Могильный крест белеет строго.
На протяжении многих лет
Здесь пролегла тропа-дорога.
Грустит задумчивый рассвет.

Он здесь. И свой приют последний
Не сам он выбрал. Все равно
Он словно принцем был наследным, —
Умел в руке держать перо.

Обильны росы. Будет ясным,
Погожим день наверняка.
Как вдохновение, прекрасна
Рубцова чистая строка.

Поэта дар не канет в Лету.
И, будто яркий бриллиант,
Вдруг вспыхнет через мглу столетий
Рубцовский песенный талант.

Екатерина Безденежных

Гуманитарно-педагогический лицей № 14
г. Ижевска (11 класс)

* * * * *

«НЕЗРИМА И ВОЛЬНА...»

(Тема поэта и поэзии в творчестве Н. Рубцова)

... из доброго сердца выходят хорошие дела, но поэзия рождается в иных областях нашей души. Она рождается в простой, безобидной и неоскорбляемой части нашей души, о существовании которой множество людей даже и не подозревает. Настоящая поэзия потому так редка и так в конце концов высоко ценится, что очень мало людей, которые решаются и умеют считать реальностью эту сторону души. Огромное большинство людей в жизни своей исходит от обиды, оскорбления или греха... Источником моих слов... является совершенно простая, безобидная, неоскорбляемая часть души, которой обладает множество людей, но никто почти не хочет себе открыть ее, смириться до нее и отбросить все претензии и счеы... В охране этого родника не участвуют ни добро, ни зло: эта радость жизни находится по ту сторону добра и зла.

М. И. Пришвин

Николая Рубцова не могли не волновать такие извечные вопросы, как роль поэзии в жизни общества, ее влияние на душу человека, качества настоящего поэта, способного «глаголом жечь сердца людей», умеющего стихами тревожить душу и сердце. В стихотворении «Я переписывать не стану...» автор выражает свое отношение к величайшим лирикам в истории русской литературы, называя имена Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. Высоко оценивая их поэтическое наследие, Николай Рубцов в то же время отказывается от подражательности, решительно не приемлет ее. Первые строки произведения имеют программный характер:

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета...

Вероятно, Рубцов имел здесь в виду художественные открытия в пейзажной и любовной лирике, сделанные этими поэтами. И их творчество служит средством своеобразной проверки его стихов по самому главному, самому высокому критерию – искренности:

Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово.

Автору также чуждо стремление к ложной славе:

И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова.

Он предельно требователен к себе и своему поэтическому дарованию:

За это верить перестану
В того же самого Рубцова...

Он даже готов отлучить себя на время от божественной гармонии стихов
Тютчева и Фета:

Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета.

Все это нужно автору для того, чтобы внимательно прислушаться к собственному голосу. То, что ощутил, выстрадал, впитал он сам, не мог выстрадать, ощутить другой. Восторгаться или страдать, возгораться или гаснуть каждый обречен самостоятельно. Осмысливая литературный опыт предшественников, поэт мечтает не повторить их. Его задача иная:

Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова.

При внимательном прочтении этого стихотворения обращает на себя внимание особая доверительность интонации и чувство глубокой ответственности автора за все сказанное. Стихотворение имеет характер поэтической декларации.

Обращают также на себя внимание тщательно подобранные поэтом глагольные формы: «не стану переписывать», «не стану придумывать», «перестану верить». Глагол «перестану» использован в сочетании со словами «слушать» и «верить». Верить поэту, верить в поэта, по мысли Рубцова, совершенно необходимо, ибо основной критерий оценки стихов – «искреннее слово».

Насыщенность стихотворения глагольными формами заставляет читателя с большим вниманием отнестись к единственному эпитету, включенному поэтом в стихотворение. Этот эпитет «искреннее» – то есть слово, выражающее подлинные чувства, правдивое, откровенное (см. Словарь русского языка С. И. Ожегова).

Обращает на себя внимание сочетание разговорной формы «того же» с устаревшей книжной формой творительного падежа «продолжить *книгою*». Использование устаревшего окончания кажется нам не случайным. Тем самым устанавливается связь с русской речевой традицией XIX века и посредством этого – с традициями русской литературы. Таким образом, небольшое по размеру поэтическое произведение становится средством выражения самых важных для поэта взглядов.

В стихотворении «О чем писать?» автор поднимает традиционную и в то же время злободневную тему: что может быть предметом для поэтического творчества? Об этом спорили и размышляли еще М. В. Ломоносов и В. К. Тредиаковский. По-разному отвечали на этот вопрос А. С. Пушкин и Н. А. Некрасов, В. В. Маяковский и А. А. Блок. Начальная строка этого стихотворения Николая Рубцова определяет его основной тон, задает самой своей обособленностью многозначительную паузу, заставляет задуматься о глубине затронутого вопроса. Кажущаяся простота слов не должна скрывать важность избранной темы. Вторая строка стихотворения не только является ответом на этот вопрос, а по сути дела необычайно расширяет и углубляет проблему «О чем писать?»:

На то не наша воля.

В этой строке автор говорит уже не только о себе и не только от себя. Он утверждает, что любой из поэтов не властен в выборе тем. Чья же воля движет поэтом?

Еще Есенин заметил, что не «поэт для чего-то», а «поэт отчего-то». Только «зависимость» от «безначальной стихии», способность глубоко чувствовать, сопереживать, слышать «шепот звезд», способна породить истинную Поэзию. Над сознанием поэта властвует непобедимая, неудержимая сила Поэзии, сила мира Поэзии. Поэт – это посредник между двумя мирами, возвышенным миром поэзии и более приземленным, суетным и беспорядочным миром, в котором живем мы все. Диалог человека и мира нельзя непосредственно воплотить ни в чувственном образе, ни в слове как таковом. Этот диалог адекватно невыразим, ибо его участники говорят на разных языках – языке реальности и языке поэзии. Но стихи, поэзия помогают человеческому миру соприкоснуться с миром Вселенским, возвышенным и полуреальным. Один человек не в силах «обнять» душой весь мир и доступным языком рассказать людям о его красоте, передать свое мироощущение.

Тобой одним
Не будет мир воспет!

В следующих строчках автор подчеркивает, что общую картину мира создается усилиями разных поэтов. Он считает: не важно, какой конкретной теме будет посвящено творчество каждого из них:

Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор возьмет другой поэт.

Только общими усилиями «хороших и разных» поэтов может быть достигнуто взаимопонимание и взаимопроникновение миров.

Несколько необычно звучат словосочетания «тема моря», «тема поля», «тема гор». Гораздо привычнее звучали бы выражения «морской пейзаж», «красота полей», «суровая природа гор», но поэт избегает традиционных средств. Рубцов высказывает мысль, что любая тема станет ложью, если она не пережита глубоко поэтом. Творческая тема – это лишь направление, в котором душа художника ищет контакта с жизнью. И такой контакт возникает в переживании, в восторге, в страдании:

Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоешь!

Запеть звонко, то есть выбрать верный тон, взять правильную интонацию, не сбиться с голоса, не сфальшивить, можно только тогда, когда через сердце поэта пройдут моря, поля и горы, выбранные им как тема для творчества.

В содержании стихотворения есть одно вопросительное и несколько восклицательных предложений, имеющих яркую эмоциональную окраску (графически они оканчиваются восклицательным знаком). Для понимания смысла стихотворения важно учесть, какие именно предложения автор окрасил экспрессией, отметил особым эмоциональным подъемом, это: «на то не наша воля!», «тобой одним не будет мир воспет!», «тему ... другой возьмет поэт!», «любая тема – ...все это будет ложь!» Выбранные отдельно, эти эмоциональные восклицания приобретают характер поэтической программы, раскрывают поэтическое кредо Рубцова и служат обращением к поэтам-современникам. На это указывает местоимение «наша» («на то не наша воля»). Стихотворение строится как обращение к собеседнику, современнику, единомышленнику, («ты тему взял», «тобой не будет мир воспет» и т. д.). Обращает на себя внимание ритмика стихотворения: 16 строк его содержит чередующиеся краткие и длинные строки – в коротких строках 4 и 5 слогов, в длинных строках 6 и 7 слогов. Такая ритмическая организация напоминает диалог, беседу,

размышление. Текст представляет собой движение к истине через поиск ответов на вопросы.

Не случаен подбор звуков в стихотворении. Большую роль здесь играют сонорные звуки. Это «М» и «Н», с которым контрастирует звонкий «Р», а объединяет их в мелодичное, напевное созвучие гласный «О». В этом небольшом стихотворении звук «М» использована 12 раз, «Р» – 8, «О» – 20 раз. В свою очередь, резкий, четкий «Р», контрастируя с глухими звуками, способствует выделению слов, несущих основной смысл стихотворения – мир, радость, горе. Благодаря сочетаниям «МР», «МНР» стихотворение звенит, звучит, в нем отчетливо проявляется жизнеутверждающее начало правды и искренности. Такая лирика воспринимается как звучащая, звонко напевная («звонко запоешь»). И главное у Рубцова не то, что книга издана, а то, что «мир воспет».

Особо значимой является последняя строка стихотворения: «все это будет ложь». Она непосредственно связана с ответом на вопрос «О чем писать?». Главное для автора – писать искренне, главное – чтобы поэзия была правдива, главное – не опуститься до лжи. Вот что становится самым важным в ответе на поставленный в первой строке вопрос.

Истинная поэзия возвышенна и чиста, темы стихов настоящего поэта найдены в самых сокровенных уголках его души, он переболел ими, выстрадал.

Примером может послужить стихотворение «Стихи». С первых строк мы сразу можем заметить, как лирический герой относится к поэтическому творчеству. Он видит в нем огромную силу, отмечает его глубокое влияние на человека. Поэзия, как и любовь, необъяснима, не до конца понятна человеку. Это стихия, овладевающая разумом, волей, и с это влияние неодолимо:

Стихи из дома гонят нас.

Сравнение силы стиха со стихийной силой природы мы видим в следующей же строчке. Поэзией, как и разбушевавшейся стихией, человек не может управлять. Она противостоит покою и уюту, благам, которые созданы человеком:

Как будто вьюга воеет, воеет
На отопление паровое,
На электричество и газ!

Все материальные ценности, созданные человеком, бренны, изменчивы, преходящи. А силы природы, поэзии, подлинных чувств выше человеческой суеты, экономически рентабельных открытий. Эти силы приобщают человека, существо не вечное, высшим, непреходящим ценностям. В подтверждение и

продолжение этой мысли лирический герой задает читателю серию риторических вопросов, которые не имеют ответов:

Скажите, знаете ли вы
О выюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

Ответ на них всегда отрицателен: человек не может «заставить выть» или «остановить» выюгу. Он не может подчинить себе всех и вся: стихию природы, Вселенную, Поэзию. Он не может полностью перестроить окружающий мир в соответствии со своими желаниями. Поэзия, как и природа, стихийна, спонтанна и свободна, так же возвышенна и многообразна, капризна и изменчива.

Вот так поэзия, она
Звенит – ее не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Лирический герой дает понять, что поэзия – это отдельный мир, мир не познанный и не познаваемый. Это отдельная система бытия, существующая вне времени, не зависящая ни от кого. Очевидно, что и способность к поэтическому творчеству также не может быть дарована или отнята каким-либо человеком. Этой способностью распоряжаются силы, которые значительно могущественнее человеческих, силы высшие, вольные, незримые.

Как мы видим, в лирическом исследовании «Стихи» автор вновь приглашает читателя задуматься о природе художественного творчества. Создание стихов кажется автору актом феноменальным, не поддающимся рациональному объяснению. При прочтении произведения возникает впечатление, что стихи словно самостоятельно существуют в мире, а их создатель может стать своеобразным рупором мироздания, одним из средств передачи поэзии людям.

И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.

Утрата поэтического дара страшна для лирического героя, он ощущает потребность в глубоких и сложных переживаниях, связанных с написанием стихотворений («замолчит – напрасно стонешь!», «Звенит, ее не остановишь!»). Этот дар дает возможность поэту стать личностью.

Более того, употребляя личные местоимения во множественном числе («гонят нас», «прославит нас», «от нас зависит», «мы зависим»), Рубцов тем

самым делает духовный опыт своего лирического героя общезначимым. Это стихотворение не только о нем, но и всех поэтах.

Несколько иначе заветные мысли Рубцова выражены в стихотворении «Поэзия». Пространством этого стихотворения является вся Россия. Здесь дана своеобразная панорама страны. Пространство рисуется в движении, не случайно автор упоминает «железный путь», использует глаголы: «мелькнет», «бегу». Широки и временные рамки стихотворения. Поэт пишет о чувстве древности, о песне жницы, о реке дней. Поскольку временной поток един, своими современниками автор ощущает и Пушкина, и Кольцова. В стихотворении устанавливается нерасторжимая связь времен. Прошлое Рубцов называет «дымными веками». Но он способен его видеть и ощущать как настоящее, как то, что дано в непосредственном восприятии. Анализ пространства и времени стихотворения позволяет выявить систему ценностей автора. Одним из важнейших звеньев в этой системе является поэзия. Лирический герой, который словно объезжает всю страну и видит ее из окна поезда, не выражает прямо, декларативно своих взглядов на призвание поэта, на характер поэтического творчества. Но его «взгляд из окна» отмечает все дорогое, любимое, что влечет к себе и трогает сердце: «снега», «укромный уголок земли», «безвестный вид», «серебряно-янтарный бор», «луга», «ветряки», «избы в снегах». Этот образный ряд становится шкалой ценностей, перечнем наиболее поэтических явлений нашего мира. Название «Поэзия» полемично и парадоксально. При первом прочтении сюжет стихотворения кажется как будто бы не связанным с темой поэзии. Автор заставляет читателя глубоко вдумываться в содержание стихотворения и, быть может, порой даже разгадывать его, как ребус.

При знакомстве с начальными строками может показаться, что между прошлым и настоящим существует разрыв, что человек покори́л великую стихию, и стал безраздельным властителем на земле:

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе,

но все же:

Мелькнет порой лугами ветряками –
И вновь закрыта дымными веками ...

Особо следует заметить, что «она» не уничтожена, а «закрыта», то есть ее движение во времени не прекращено, но лишь приостановлено. И как парадокс звучат строки:

Но тем сильней влечет она к себе!

Человека всегда влечет то, что не до конца раскрыто перед ним, что со- держит в себе некую тайну. Но это не охота за материальными ценностями, не жажда обладания, поддаваясь которой человек ведет себя по схеме «уви- деть и бросить». Это стремление к высшим ценностям. Ведь, как известно, «что имеем, не храним, потерявши – плачем». Далее развивается намеченная ранее мысль. Несмотря на то, что поэзия «вновь закрыта дымными веками», она по-прежнему с нами, вокруг нас.

Мелькнет покоя сельского страница...

...за линией железной

Укромный, чистый вижу уголок.

И именно поэт может заметить и осознать это. Только ему дано понять, что «вид безвестный» – не просто кусок земли, одухотворенная поэзией часть мироздания. И поэтому как заклинание звучат слова:

Но я молю, чтоб этот вид безвестный

Хотя б вокзальный дым не заволок!

Именно в таких волшебных местах, не тронутых цивилизацией, рождались великие стихи, пробуждались таланты, раскрывались творческие души:

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,

Что это здесь при звоне бубенцов

Расцвел душою Пушкин легендарный ...

Вместе с тем Рубцов понимает, что наступление цивилизации продолжа- ется. Уйти от века нельзя, бесполезно противиться движению времени. Подво- дя итог, лирический герой отмечает свою зависимость от общества, неумоли- мого прогресса, губящего ростки поэзии в душе человека:

Железный путь зовет меня гудками,

И я бегу...

В финале стихотворения звучит тревога за судьбу поэзии, природы, за этот «бор, серебряно-янтарный».

Но мне не по себе,-

признается лирический герой. «Покорная судьбе» поэзия, как и прежде, ос- тается с нами, чтобы поддержать нас духовно и чтобы разделить с нами тра-

гическую судьбу человечества. Отсюда – щемящее чувство благодарности и утраты,

Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе.

Это стихотворение дает понять, что поэзия – вокруг нас, во всем, что мы видим, что чувствуем. И для каждого человека она воплощена в близких его душе явлениях, местах, предметах, чувствах. И если сам человек не губит в погоне за сиюминутной выгодой окружающий его мир, если он способен заметить все это, то он в душе – поэт.

Сутью его поэзии Рубцова является поиск искреннего слова, стремление найти себя, рассказать о своем времени и о своем народе. Рассматривая проблему предназначения поэзии, поэт размышляет о достойных современной лирики темах. Он приходит к выводу, что поэт – это посредник между двумя мирами, возвышенным миром поэзии и суетным миром бытовых забот, тем самым Н. Рубцов продолжает традиции Пушкина.

Со мною книги и гармонь
И друг поэзии нетленной –
В печи березовый огонь.

Поэт защищает те ценности, которые считает вечными. Книги – результат труда гениев человечества, гармонь может быть символом искусства, созданного талантливыми самородками, огонь – символ непрестанного горения духа. Жить сложнейшими переживаниями, остро чувствовать трагическое в жизни и переплавлять его в душе своей в гармонически пленительные строки стихов – таков удел поэта. Процесс создание стихов – и страдание и счастье. Поэт живет, чтобы «высекать огонь из слова», чтобы

...т руд ума,
Бессонницей больного, –
Всего лишь дань
За радость неземную:
В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

Самый, может быть, главный признак поэзии – «ее способность вызывать ощущение самородности, нерукотворности, безначальности стиха». Как будто

эти стихи никто еще не писал, не создавал; как будто где-то они уже были, и только поэт мог извлечь их из неизвестного пространства, непонятного простому человеку. Толстой сказал об одной пушкинской рифме: «Кажется, эта рифма так и существовала от века». И это, конечно, свойственно не только пушкинской поэзии, но и истинной поэзии вообще. Лучшие стихи Николая Рубцова обладают таким редким свойством.

«Николай Рубцов – поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией – непридуманной, органической. Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также истин. Большинство из найденного за эти годы в русской поэзии позднее рассыпалось прахом, кое-что осело на ее дно интеллектуальным осадком, сделало стих гуще, эрудированнее, изящней. Время от времени звучали голоса яркие, неповторимые. И все же – хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов – надвигалось», – так писал Глеб Горбовский в статье «Долгожданный поэт». Рубцов пришел, вошел в поэзию быстро и органично, со своим ярким и самобытным талантом, со своим видением мира, с глубоким пониманием природы, развития общества и места Человека в этом мире.

«Никогда так не нужна поэзия, как в те времена, когда вследствие господства себялюбия и расчета количество материальных благ растет быстрее, чем способность освоить их согласно закону души», – еще в XIX веке написал английский поэт-романтик Перси Биши Шелли. Времена повторяются. И именно сейчас, когда рушатся казавшиеся незыблемыми устои и меняются идеалы, просто необходима поэзия Николая Рубцова. Душу современного человека согревает лиричность и напевность его стиха. Его произведения помогают мужественно переносить боль. Они поддерживают огонь беззаветной любви к Родине, ее просторам, деревням и весям. Поэзия Рубцова востребована сейчас как никогда.

Использованная литература

- Дементьев В. Исповедь земли. – М., 1984.
Дербина Л. О Рубцове // Слово. – 1993. – № 5 – 12.
Евтушенко Е. Хлеб сам себя несет: Размышления о поэзии Рубцова // Литературная газета. – 1976. – 18 августа.
Кожин В. Николай Рубцов. – М., 1976.
Пайшиков А. Избранное. – М., 1989.
Николай Рубцов: Вологодская трагедия. – М., 1998.
Оботуров В. Степень родства. – М., 1977.
Очирова Т. Н. Авторское сознание в лирике Н. Рубцова как состояние личности между двумя культурами // Вестник Удмуртского университета. – 1993. – № 4.
Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. – М. 1989.
Рубцов Н. «Видения на холме»: Стихи, переводы, проза, письма. – М., 1990.

ПРЕКРАСНОЕ И ВЕЧНОЕ В ПОЭЗИИ Н. РУБЦОВА

Историческая миссия любого поэта состоит в том, чтобы представлять прекрасное и вечное своего времени и, может быть, даже предсказывать будущее. Такой путь и избрал Николай Михайлович Рубцов.

Его творчество можно представить как большую лирическую поэму, герой которой – странник, идущий по жизни, по дорогам своей родины, по Заволочью, и в этой дороге стремящийся постичь истину, в слиянии с миром найти свое счастье. Мотив дороги звучит в рубцовских произведениях в разных вариантах. Но все пути лирического героя неизменно приводят его обратно к дому. Обращаясь к родному краю, поэт говорит: «Мы разлучаемся с тобою, чтоб снова встретиться с тобой...» Чувство родины – исходное для Николая Рубцова; поэт приходит к мысли, подсказанной опытом, что самое главное в жизни – здесь, дома: «...Вологда – земля для меня священная, и на ней с особенной силой чувствую я себя живым и смертным».

«Чудный месяц плывет над рекою», –
Где-то голос поет молодой
И над родиной, полной покоя,
Отпускается сон золотой!

Чувства, нахлынувшие на поэта во время встречи с родиной, передаются и читателю. Это и есть та самая «смертная связь» с родными местами, о которой говорит Рубцов в другом стихотворении – «Тихая моя родина».

Любовь к родине определила и особенности рубцовского восприятия природы. Его пейзажи – не только прекрасные картины, но всегда еще и сгустки нравственной энергии. Так, в стихотворении «Ночь на родине» подвижность картин усиливается отчетливо слышной мелодией, и все это одушевляется настроением поэта. В целом же складывается богатая лирическая тема – тема неразрывного единства поэта со своей землей.

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени...

Общий набросок картины уже есть, и рождается спокойная, ровная, задумчивая мелодия, определяемая мотивом возвращения к тем местам, кото-

рые «врачуют душу». Развивается и мотив тишины – в нем пробивается чувство светлой радости, идущей от миротворной настроенности пейзажа. А пейзаж постепенно детализируется. В легком тумане прорисовались крыши деревенских изб, которые, кажется, «не слыхивали грома», глубокое ночное небо раздвинулось, и поле зрения – тоже:

Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома...

Картина завершена, но в ней еще мало жизни. И вот он, последний штрих, – звуковой: «И редок сонный коростеля крик...» Становится ясно, что все видится поэту не безжизненным, а умиротворенным. На этом фоне определеннее ощущается душевное состояние поэта; он прощается с пережитым: «Вернулся я – былое не вернется!» Но поэту трудно примириться с необратимостью времени. Врачующе действует тот миг, «когда души не трогает беда <...> и тихо так, как будто никогда уже не будет в жизни потрясений». В этом миге едины поэт и мир.

Судьба природы, по Рубцову, это и судьба поэтического слова, и судьба родины. Не случайно в его стихотворении «Поэзия» в первой же строфе возникает образ «покорности судьбе»:

Теперь она, как в дымке, островками,
Глядит на нас, покорная судьбе, –
Мелькнет порой лугами, ветряками –
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечет она к себе!

Поэт тревожится, «чтоб этот вид безвестный хотя б вокзальный дым не заволокл!» Ведь так можно и утратить безвозвратно черты красоты, открытой в мире еще Пушкиным и Кольцовым. Вот что порождает «ропот» поэта, вот что заставляет его снова и снова вглядываться в видения «за дымными веками»:

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

Уйти от века нельзя, бесполезно противиться движению времени. Это поэт сознает. Но ему «не по себе», потому что утрата поэтического чувства равносильна омертвлению души, а ведь так тяжело терять ранее обретенное, ставшее дорогим и необходимым. Эта мысль звучит в стихотворении «Наслаждаясь ветром резким...»:

По родному захолюстью
В тощих северных лесах
Не бродил я прежде с грустью,
Со слезами на глазах.

Родное захолюстье это – до боли дорого, и поэт словно предупреждает – по пословице: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». И в том, что близкое душе действительно дорого, убеждают неяркие краски, сдержанные слова. Только здесь поэт может бродить, «наслаждаясь ветром резким», тревожась таинственной неизвестностью будущего: «Что же, что же впереди?»

В свой черед приходит, однако, и чувство радости: «Выпал снег – и все забылось, чем душа была полна!» Не только городок «красотою древнерусской обновился», но и сам поэт, сердце которого «проще вдруг забилося». Ему лобо видеть вечность жизни в том, как «снег летит на храм Софии, на детей, а их не счесть». В смене впечатлений стяхнул поэт тяжесть дум, надо полагать, не очень веселых, и нашел желанное умиротворение:

Снег летит – гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.

Рубцов приходит к такому выводу: жизнь – движенье, без движения ее нет, а в движении она становится яснее в чем-то сокровенном. Поэт хочет, чтобы в жизни сохранялось единство души и рассудка. Ведь только на этом пути постигает человек и смысл жизни:

Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!

Поэт все время чувствами своими и помыслами возвращается к родной деревне, вспоминая «поле, холмы, облака», «избушки и деревья, словно в омут, канувшие в ночь», «пустынные стога». Он открыто говорит о своих привязанностях: все, с чем ассоциируется понятие «родина», дорого для него. Деревня сама по себе вовсе не является для Рубцова каким-то спасительным раем, хотя в надежной прочности ее традиций поэт обретает творческую почву.

Задумываясь о вечных проблемах бытия, рассуждая о жизни и смерти, лирик постигает истину, он понимает, что ничто на свете не может существовать вечно.

Я не верю вечности покоя! –

воскликает поэт в стихотворении «Я умру в крещенские морозы». Но автор не ограничивается этим тезисом в своих размышлениях. Он стремится показать, что жизненный путь человек должен пройти достойно:

Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом,
А другой – жнецом рожден...

У Рубцова каждый человек – путник, а точка отправления путника – дом. Конец пути – это достижение цели, «нравственное, духовное совершенство».

Поэт считает, что важно сберечь ценности, необходимые для воспитания души. Жизненно важно хорошо знать свой родной край с его приметам истории и современности. «Вечно пусть будет все, что свято я в жизни любил», – закликает он, желая, чтоб остался навек «сей образ прекрасного мира».

Использованная литература

Белков В. Сто историй о Рубцове. – Вологда, 1991.

Мартюков А. Над рекою – месяц... // Красный Север. – 1999. – 14 января.

Рубцов Н. Прощальная песня. – М., 1999.

Ольга Вахрушева
Гуманитарно-педагогический лицей № 14
г. Ижевска (11 класс)

* * * * *

ПРИРОДА РУССКОГО СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ Н. РУБЦОВА

Конец 1950-х – 60-е годы – время интенсивных творческих поисков, бурных споров о дальнейших путях развития литературы. Стремясь найти новые пути решения усложнившихся задач, некоторые писатели и критики пытались подвергнуть решительному пересмотру традиционные идеалы, темы, поэтику. В литературном потоке намечилось некоторое размежевание, выделившее, например, в поэзии, где оно получило более отчетливые формы, группу поэтов, условно названную в критике «городской» («эстрадная» поэзия) и группу «поэтов от земли» («тихая лирика»). В литературу хлынул новый поток литераторов, многие из которых стали кумирами молодежи, эстраду сотрясали строки гнева и страсти, широкий размах приобрело увлечение формальными новациями. Именно в связи с именами Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, Б. Ахмадулиной чаще всего приходилось слышать «пророчества» о новых веяниях, «надеждах на будущее литературы». Правда, в те же годы среди кумиров иногда мелькали, например, имена В. Белова, В. Шукшина, В. Лихоносова, немного позднее – Н. Рубцова, А. Передреева. Когда стало ясно, что с этим явлением не считаться просто невозможно, критика определила его в разряд «деревенской» литературы, что тогда значило на критическом языке – второразрядной.

Но «эстрадная» поэзия, добившаяся на первых порах решительного успеха, уже к концу 60-х годов уступила свои позиции, оказавшись несостоятельной в разрешении высоких нравственно-философских вопросов и задач. Разрешить их могла только поэзия, питающаяся живительными корнями великой русской литературы, поэзия глубоких идей и сильных человеческих чувств. В такой атмосфере наблюдается тяготение к большой классической традиции, которая имеет дело с сутью жизни, с духовными и социальными проблемами.

1960-е годы пришли как отрезвление, повзросление поэзии, в которой намечилось исцеление от легкости и экстравагантности поэзии 50-х. Усились позиции традиционной школы, получившей в нашей критике не совсем корректное название «тихой», или «деревенской» лирики.

Именно к разряду этой лирики был причислен и Николай Рубцов.

Трагически короткой была жизнь светлого и прекрасного русского поэта Николая Рубцова. Открывая сегодня томик рубцовских стихов, мы невольно возвращаемся к воспоминаниям тех людей, которые хорошо знали и любили его уже тогда, когда о нем как о славе и гордости русской поэзии еще и речи не шло. Среди них – и Глеб Горбовский. Он писал: «Николай Рубцов – поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией – непридуманной, органической. Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также – истин <...> Время от времени <...> звучали голоса яркие, неповторимые. И все же – хотелось Рубцова <...> Кислородное голодание без его стихов надвигалось... Долгожданный поэт. И в то же время – неожиданный...»

Пейзажная лирика – исконная тематическая разновидность от Ломоносова и Пушкина. Во все времена человека интересовали вечные вопросы: «Что такое природа, какое место в ней занимает человек?» Критика не раз обращала внимание, как точно поэт может передать все изменения, любые движения, любые звуки природы в одном слове, причем делает он это с чувством светлой любви к тем местам, которые описывает. Пейзажная лирика – патриотичная лирика. Любовь к родине, поиск национальной идеи занимает лучшие умы наших современников. Все это обусловило наше обращение к пейзажной лирике в творчестве Николая Рубцова.

Перечитаем стихотворения «Во время грозы», «Памятный случай», «У церковных берез», «У размытой дороги», «Ветер всхлипывал, словно дитя...», «Осенние этюды». В многоликом образе ветра заключено трагическое переживание жизни: одиночество, разорванность человеческих связей, расставание и разлука, неустроенность бытия. В стихотворении «Ночь на родине» – наоборот, спокойная, тихая, ровная, задумчивая мелодия, характер которой определяется мотивом возвращения к тем местам, которые «врачуют душу». Обретает важную роль и мотив тишины – в нем пробиваются ноты светлой радости, идущей от миротворной настроенности пейзажа. Пейзаж детализирован: дуб, вода, тени, крыши сел, пруд, солома. Завершающий штрих в пейзаже – это звуковой тон: «редок сонный коростеля крик». Трагическое ощущение невозвратности былого врачует единением поэта и мира, доходящим до полного слияния.

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.

В природе – источник поэтического вдохновения, именно она дарует жизнь, надежду, свет. Поэтому судьба природы – это и судьба поэтического слова, самого бытия поэзии.

Николай Рубцов, как нетрудно заметить, живет мечтой о сохранении единства человека и природы. Обращаясь к нравственным и трудовым традициям народа, поэт вырабатывает свои представления о жизни, и эти представления во многом определили своеобразие его поэтического мира (стихотворения «Жар-птица», «Тот город зеленый...», «Жара» и другие).

«Осенние этюды» – произведение, сочетающее в себе и изобразительные, картинные моменты, и моменты сложного психологического состояния героя, его настроения. В этом стихотворении прошлое сливается с настоящим, становится его неотъемлемой частью.

Единство человека и природы, прошлого и настоящего – основа мировосприятия Рубцова.

В его стихах, посвященных родным краям – архангельским, вологодским, – существенна не северная экзотика, а чувство всепроникающей связи лирического героя с русской природой.

С каждую избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Рассмотрим стихотворение «Тихая моя родина». Как нам кажется, это стихотворение является примером скрытой литературной полемики, которую не раз можно встретить в истории русской литературы. В названии использована строка из стихотворения Есенина. При знакомстве с лирикой Рубцова у нас возникло впечатление, что очень многое связывает этих поэтов, творивших в разное время, выразивших в своих стихах горячую любовь, сыновнюю привязанность к родной стороне. Однако было бы ошибочным считать Рубцова рабским продолжателем есенинских традиций, поэтическим подмастерьем Есенина. Связь творчества Рубцова и Есенина намного сложнее, глубже. Это глубокая генетическая связь поэтов, для которых любовь к родине и боль за нее является одной из важнейших тем. Поэтому, нам кажется, название стихотворения является ответом тем критикам, которые так легко зачисляли Рубцова в группу «есенинских» поэтов.

Посвящение Василию Белову также являет собой пример литературной полемики. В. Белов известен как автор «Плотничьих рассказов», повести «Привычное дело» и других произведений, изображающих современную деревню с традиционных позиций русского крестьянского уклада. В произведениях чувст-

уется боль автора по поводу утраты привычного крестьянского быта, трепетное чувство любви к родине. С этой точки зрения можно считать Белова единомышленником Рубцова, поэтому и название стихотворения, и посвящение служит предметом для глубоких размышлений над содержанием стихотворения.

В начале стихотворения – риторическое обращение: «Тихая моя родина!» Лирический герой сразу упоминает о самых дорогих людях («мать моя»), о самых важных, хотя и трагических событиях («мать похоронена в детские годы»). Следующее четверостишие содержит диалог лирического героя с односельчанами, с людьми, ему близкими, с людьми, среди которых он провел детство и которые, как и он, хранят память о дорогих местах: именно их он спрашивает о погосте, где находится дорогая ему могила. Таким образом, два первых четверостишия придают лирическому стихотворению характер исповеди, доверительного разговора с близким человеком, и в дальнейшем автор часто обращается к форме первого лица, что придает воспоминаниям о деревенском детстве особенно эмоциональный, сокровенный характер («я плавал», «купаться любил», «я ничего не забыл»).

Лирический герой совершает путешествие в разные места детства. Он с интересом следит за тем, какие изменения произошли на его «тихой родине». Наблюдения лирического героя над изменениями в родном селе носят точный, подробный, скрупулезный характер. Это возможно и потому, что сердце хранит верную память («я ничего не забыл»), и потому, что не прервалась кровная, нерасторжимая связь («чувствую самую жгучую, самую смертную связь»). Подробности пейзажа, казалось бы, просты и непритязательны, но они важны для героя и являются подробностями «золотой поры» детства, прошедшего на лоне природы («где я плавал за рыбами», «там, где купаться любил», «новый забор перед школою», «ивы, река, соловьи», «купол... травой зарос»). Эти воспоминания лирического героя связаны со школой, приметам деревенской архитектуры, с веселым летним временем («словно ворона веселая, сяду опять на забор»). Движение времени ощущается в стихотворении прежде всего потому, что изменилось многое вокруг: построен канал, порос травой купол церкви – так пространственные приметы становятся в стихотворении приметам временными. Пространственное движение пронизывает все стихотворение: герой ищет погост, отправляется искать могилу на другой берег, речка будет бежать за уехавшим. Это придает лирическому стихотворению, посвященному посещению родных мест, динамизм, экспрессивность. Обращает на себя внимание повторение эпитета «тихий» – «тихая родина», «тихо ответили», «тихо проехал». Слово «тихий» в толковом словаре Ожегова

имеет следующие значения: 1) слабо звучащий, плохо слышный; 2) погруженный в безмолвие; 3) спокойный, неоживленный; 4) небольшой скорости, необыстрый.

На наш взгляд, в стихотворении Рубцова слово «тихая» может иметь значение «далекая, отдаленная, неброская, милая, дорогая сердцу». Это же относится и к жителям деревни, тихо отвечающим на вопрос лирического героя о месте могилы матери. Отвечают жители тихо, как нам кажется, потому что это личный, интимный вопрос, потому что они боятся нарушить печаль человека, еще в детстве утратившего мать. Тихо и потому, что все в этом деревенском пейзаже, в событиях деревенской жизни неярко, неброско, некрикливо. Лирический герой приезжает на родину, где, на первый взгляд, его некому встретить, откуда проводит его туманная речка, но, вероятно, не желанием шумной встречи, веселых проводов обусловлены приезды в родные края. Лирический герой чувствует нерасторжимую связь с живой природой, с родным местом (с избой, громом, школой, храмом, погостом). Если Есенин на протяжении творческого пути по-разному (в зависимости от обстоятельств) описывает свою «малую родину» и свое сыновнее чувство, то Рубцов словно присягает на верную, не зависящую ни от каких перемен, политических потрясений любовь к родным местам. Быть может, поэтому стихотворение, озаглавленное строкой из Есенина, посвящено Василию Белову.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

Герой не бежит, не рвется в природу, но устойчиво и согласно пребывает в ней, полный проникновенного чувства благодарности ко всему живому – шуму деревьев, увяданию цветов. Он сам готов быть тем, что его окружает:

...во мне
Вдруг отзовется увяданье
Цветов, белеющих во мгле.

...Я был в лесу дождем!
Поверьте мне: я чист душою...

Во многих отношениях Рубцов примыкает к «тихой лирике» – он любит и воспевает «вид смиренный и родной», «тихую зимнюю ночь», «тихую свою родину», глухие уголки, веющие стариной, дышащие покоем («Душа хранит», «Тихая моя родина», «Зимняя песня»). Однако, как заметил один из критиков,

характер лирического героя – вовсе не тихий, созерцательно-раздумчивый, а скорее взрывной, разудалый, что находит воплощение в излюбленном рубцовском образе скачущего коня: («Эх, коня да удаль азиата...», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «У размытой дороги», «Сентябрь»).

В стихотворении «Сентябрь» изображается среднерусская природа осенью. Глубокую поэтическую традицию имеет в русской литературе воспевание осени, связанное, прежде всего, с именем Пушкина, а также с именами Цветаевой, Есенина и др.

Стихотворение Рубцова, рисующее осеннюю природу, прямо начинается со слова «слава». На отношение поэта к увядающей красоте указывают эпитеты: радостный, чудесный. Тесно связано с русской поэтической традицией употребление эпитета «багряная роща», с устным народным творчеством – «златогривые кони».

В стихотворении словно присутствуют известные герои стихов Есенина:

Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу.

Наряду с традициями есть и нечто особенное, что удается Рубцову почувствовать и передать от имени лирического героя. Краткий период золотой осени с ясными небесами, солнечным блеском назван в стихотворении покоем и праздником. Праздничный характер придают описанию и россыпь ягод, и солнечный блеск на воде, и пурпурные листья, и златогривые кони. Праздничный характер возникает и от звуков – «громкий лай», и от точно выбранной метафоры – «праздник нагрязнул». Яркость осенних красок сама по себе способна вызвать ощущение праздника, торжества, пышного природного обряда, когда сам уход «золотого лета» обставляется природой с неслыханной роскошью и щедростью. Одновременно великолепный праздник осени назван в стихотворении – «покой». Возможно, это покой для крестьянина после тяжких забот, страды, это ожидание тоскливой и грустной осенней поры («ветер и грусть октября»). Отдыхает не только земля, но и само небо с солнцем, дарующим урожай и жизнь. Обращают на себя внимание чувства и переживания лирического героя («и ничего не желаю, и ничего не хочу»). Это восприятие щедрой сентябрьской красоты может быть истолковано как пример ощущений человека, перенесшего трудное испытание, выполнившего непосильную работу и мечтающего о кратковременном отдыхе и покое («краткий покой»). Герой уверен, что его ожидают новые испытания, что в бездне небесной таится зима. Упоминание о небесах может быть воспринято как указание на вечные, постоянные, неизменные страдания и испытания человека.

Сам их небесный характер может быть назван вечным, неизбежным. Таким образом, в стихотворении наблюдается динамика в изображении чувств: лирический герой радуется краткому покою, заявляет, что ничего не желает, и в то же время сам предвидит грядущее испытание. Время в стихотворении, казалось бы, определено точно, календарно – сентябрь. На самом деле, как нам кажется, временные рамки стихотворения расширяются, поскольку в переживаниях лирического героя незримо присутствует лето, а слово «октябрь» обозначает не столько месяц года, сколько позднюю осень, предвестие зимы, и служит образным обозначением вечных перемен и испытаний, ожидающих человека.

Следовательно, и само название «Сентябрь» содержит указание не только на временной характер. Стихотворение получает более глубокий смысл: сентябрь можно воспринимать как осень жизни. Благословенный покой на фоне праздника природы может быть прочтен в образной системе стихотворения как короткий период наслаждения красотой, период подведения итогов, период осмыслений и испытаний. Эти испытания неведомы никому: грусть, таящаяся в небесной бездне, представляет собой загадку для человека.

Природа у Рубцова заключает в себе и то, что невыразимо человеческим словом.

Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете,

Безусловное доверие природе, готовность без конца «слушать о счастье младенческий говор природы» – важнейшая черта лирического героя, который знает: то, что создало его, – больше его самого. Поэтому и сама поэзия уподобляется то вьюге, то солнцу – никто не властен задержать ее приход или предотвратить исчезновение:

И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.

Быть поэтом – значит сознавать над собой власть природы, быть «выраженьем осени живым» («Осенние этюды»).

У Рубцова есть знаменательное стихотворение «Душа хранит». Знаменательны для меня эти стихи прежде всего оговоркой – употреблением «как будто» в последней строфе. Сначала ее вроде бы даже не замечаешь: кажется, открывшийся взору «вид» уже сам по себе («объективно») таков, что «красота» его незыблема, неподвластна времени («как звезда не свергнуть с высоты»).

В стихотворении «Душа хранит» автор обращается к теме родины. Традиционная для русской гуманистической литературы, эта тема разрабатывается поэтом на материале русского пейзажа: река, березы, избы, старинный храм. Автору хотелось бы понять судьбу родины, ее предназначение, и он ищет ответы на эти вопросы в истории России, Руси («век неслышно протечет»), в православной вере русского народа («и, отраженный глубиной, как сон столетий, Божий храм»), в русской природе (светлая глубина рек «родной» вид), в душе русского человека («запечатлен в душе, которая хранит всю красоту былых времен»). Что же хранит душа лирического героя? Она хранит, как нам кажется, любовь к неброской красоте русской природы. Она хранит завет: беречь память об истории, беречь нетленную красоту. Основным идеям стихотворения соответствуют образная система и изобразительно-выразительные средства. Николай Рубцов использует сравнение (щука пронзает воду, как стрела), эпитеты (смиренный вид, столетний сон, неслышно протечет, древний вид), метафоры (душа хранит, Русь-звездочет). Хронологические рамки этого стихотворения широки, воображение поэта уходит в глубь веков. Существование родины сравнивается с вечной жизнью звезд на небе («как звезд не свергнуть с высоты»). Автор провидит и большое будущее своей Родины, над которой века протекут неслышно. Пространством стихотворения, на первый взгляд, являются географические границы России, но автор смотрит на них с недоступной человеческому глазу зоркостью. Он избирает необычную точку зрения для того, чтобы обозреть родные края. Он поднимается на высоту, недоступную даже для птичьего полета. Он смотрит на родину из космоса, с далеких звезд – все это исключает обычный масштаб и предполагает взор внутренний, окидывающий свою страну бескрайним любовным взглядом. На это утверждение дает нам право название стихотворения. Красоту России, любовь к ней лирический герой сохраняет в душе как самое дорогое, как бесценное сокровище.

«Душа хранит» – из тех его стихов, что своей прозрачной поэтической подлинностью действительно «продолжают» «книгу Тютчева». Но при этом становится особенно важным: а как продолжить? Вдумаемся: как глубоко отличны здесь от тютчевских взаимоотношения природы со временем. Парадокс современности в том, что «смиренный и родной» «вид» теперь – «древний». «Древний» – не в одном лишь собственно историческом измерении; рубцовский пейзаж вбирает историю, природу, день сегодняшний, и печатью «древности» отмечен не только «божий храм», но и «вода недвижимее стекла», отразившая его светлой глубиной, и те же «избы», взятые из живых будней, т. е. даже и русскую природу ощущаешь здесь «древней», и этим акцентировано

драматическое звучание эпитета. Ведь природе, в сущности, не положено иметь «вида» ни «древнего», ни нового, ни молодого, ни старого, а положено не меняться в возрасте, быть «равнодушной» к ходу времени и «красою вечною сиять». Впрочем, «древний» может выступать и синонимом вечного, всегдашнего. Но рубцовский «древний вид» был вечен, можно сказать, только в прошлом, «нетронутость» в будущем обещана ему под знаком несбыточного «как будто». Гарантировать эту вечность может лишь самая хрупкая, самая временная субстанция на свете – «душа». Поэтому русский «вид» у Рубцова «древен» не в том смысле, в каком у Блока говорилось о «красе заплаканной и древней». Это «вид», ставший «древним» на фоне совсем иных видов, ныне гораздо нам более привычных. Причем «древним» он стал как раз из вечного и всегдашнего – в чем и состоит его парадоксальная современность. Николай Рубцов, быть может, последний трепетный русский лирик-певец «сельских видов» с традиционно «естественным» поэтическим зрением. Он осознавал вдруг ранищую остроту момента.

«Как сон столетий», отразился в воде Божий храм. Не так ли и вода вместе с храмом да и с «избами по буграм» отразились в «душе» – тоже почти «воде», и водная глубь соотносится с глубиной душевной, хранящей « всю красоту былых времен ». Наверное, и внутренняя сосредоточенность души под стать «недвижности» воды: шелохнись светлая «глубина» – и расплывается отражение «Божьего храма», стоит отвлечься, рассеяться душе – и не запечатлеть ей «раз навсегда» древнюю красоту.

И при всем том «недвижную» воду еще «пронзают щуки», отражаются в ней «избы», готовые вслед за «храмом» вот-вот обернуться историческим «сном», «и весь пейзаж рожден не грезой памяти, позабывшей реальность, а, напротив, отчетливой окружающей явью».

Такова красота «древнего» русского «вида», творимая словно на грани двух миров: наличного бытия и сказочной были. Это «вид» на Русь уходящую, но еще живую, предстающую поэту воочию, а не воскрешаемую мысленным взором. Не воспоминания о прошлом, а предвещение будущего, проводы, опережающие разлуку, – источник тонкой игры «отражений» в стихотворении, когда красота, еще не потеряв объективной предметности, уже «раз и навсегда» перелилась в образ, оставшийся лишь в зеркале «души», и пронизана его прощальным светом.

Таким образом, мы рассмотрели тему «Изображение природы Русского Севера в творчестве Н. Рубцова». Анализ стихотворений поэта приводит нас к мысли, что трагическое ощущение невозвратности былого врачует взаимно-

действием поэта и мира, доходящим до полного слияния. В природе – источник поэтического вдохновения, именно она дарует жизнь, надежду, свет, и судьба природы – это и судьба поэтического слова, самого бытия поэзии.

Николай Рубцов, как мы могли заметить, живет мечтой о сохранении единства человека и природы. Обращаясь к нравственным и трудовым традициям народа, поэт вырабатывает свои представления о жизни, и эти представления во многом определили своеобразие его поэтического мира. Единство человека и природы, прошлого и настоящего – основа мировосприятия Рубцова. Герой не бежит, не рвется в природу, но устойчиво и согласно пребывает в ней, полный внимания и уважения ко всему живому – шуму деревьев, увяданию цветов, готовый сам быть тем, что его окружает.

В выборе тем и мотивов Рубцов в основном не выходит из русла есенинской традиции – это все та же «родная деревня», «березы», «цветы», «журавли». Во многих отношениях Рубцов примыкает к «тихой лирике» – он любит и воспевает «вид смиренный и родной», однако характер лирического героя далеко не всегда не «тихий». Время от времени в его поэзии возникает образ стремительного вихревого движения сквозь дремлющее пространство Родины. Природа в представлении Рубцова – это и то, что невыразимо человеческим словом.

Безусловное доверие природе, готовность без конца «слушать о счастье младенческий говор природы» – важнейшая черта лирического героя, который знает: то, что создало его, больше его самого. Поэтому и сама поэзия уподобляется то выюге, то солнцу – никто не властен задержать ее приход или предотвратить исчезновение.

XX век обострил проблему существования живого на земле. Река, поля, леса – все это ныне сплошь и рядом исчезает быстрее, чем люди. Парадоксальность современности в том, что «смиренный и родной» «вид» теперь «древний». «Древний» – не в одном лишь собственно историческом измерении; рубцовский пейзаж вбирает историю, природу, день сегодняшний. Но рубцовский «древний вид» был вечен, можно сказать, только в прошлом, «нетронутость» в будущей вечности обещана ему под знаком несбыточного «как будто». Гарантировать эту будущую вечность может лишь самая хрупкая, самая временная субстанция на свете – «душа». Такова красота «древнего» русского «вида», творимая словно на грани двух миров: наличного бытия и сказочной были. Это «вид» на Русь уходящую, но еще живую, предстающую поэту воочию, а не воскрешаемую мысленным взором. Не воспоминание о прошлом, а предвещение будущего, проводы, опережающие разлуку, – источник тонкой игры «отражений» в поэтическом мире Рубцова, когда красота,

еще не потеряв объективной предметности, уже «раз навсегда» перелилась в образ, оставшийся лишь в зеркале «души», и пронизана его прощальным светом.

Использованная литература

- Белков В. Не одинокая звезда. – М., 1989.
- Волков Б. Орфей. Поэтическая судьба Н. Рубцова: К 60-летию Н.М. Рубцова // Литература в школе. – 1996. – №1.
- Еремин Н. Рубцов и современный прогресс // Литература: Приложение газете «Первое сентября». – 1999. – №1.
- Зайцев В. А. «...Россия, Русь! Храни себя, храни!»: Лирика Н. Рубцова // Русская словесность. – 1998. – № 2.
- Зуев Н. Николай Рубцов и национальная поэтическая традиция: К 60-летию Н. М. Рубцова // Литература в школе. – 1996. – № 1.
- Кожин В. Николай Рубцов. – М., 1976.
- Оботуров В. Искреннее слово. – М., 1987.
- Пайшиков П. Чувство пути. – М., 1983.
- Парфенова Р. Левитан и Рубцов // Литература: Приложение к газете «Первое сентября». – 1999. – № 15.
- Рубцов Н. Русский огонек: Стихи, переводы, воспоминания, проза, письма: В 2-х томах. – Вологда, 1994.
- Рубцов Н. Стихотворения. – М., 1998 (Поэзия XX века).
- Русская литература. – Ч. 2: XX век. Энциклопедия для детей. – М., 1999.
- Русская советская поэзия. – М., 1990.

ОБРАЗ СВЕТА В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Брал человек
Холодный мертвый камень.
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова –
Вот так же высекать
Огонь из слова!

Н. Рубцов был «огненным» поэтом XX века, поскольку его стихи были настолько чувственно наглядными, музыкальными и проникновенными, что «заставляли» читателя сопереживать вместе с лирическим героем все эмоции, которые владели душой автора. Именно Рубцов сумел передать свой «огонь души» читателю, ведь не случайно его называют иногда «русским огоньком». Его стихи продолжают волновать русского человека до сих пор, оставляя в душе надежду, веру и любовь...

Читая стихи Рубцова, мы нередко можем встретиться с такими словами, как «огонь», «огонек», «звезда» и т. п. Все эти слова так или иначе связаны с темой света, огня: звезда горит (излучает свет), заря светится. К данному разряду относится и «огонь», и родственные ему слова («огонек», «огненный» и т. д.). «Свет – это одно из наиболее существенных проявлений огня» (В. Кожин). Эти слова я буду в дальнейшем называть «световыми». Что же такое свет и огонь? Словарь Ожегова дает нам такое истолкование слова «огонь»: «1. Горящие светящиеся газы высокой температуры, пламя... 2. Свет от осветительных приборов... 3. (В переносном значении) Внутренне горение, страсть...». А свет – это «1. Лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым... 2. Тот или иной источник освещения... 3. Освещенность, состояние, когда светло...». Для нашей темы наиболее существенно последнее значение: свет (огонь) – это состояние, когда светло, ощущение чистоты.

Общее количество «световых» слов в лирике Рубцова подсчитать трудно: ими буквально пронизаны его стихи. Ранняя лирика не включает в себя столь значительное число этих «световых» слов, как поздняя (с 1962 по 1971). Еще большее количество таких слов можно встретить в стихотворениях с названи-

ем, связанным со значением «свет» или «огонь» («Русский огонек», «Звезда полей» и т. д.). Поэт выделяет «световые» слова, используя такие образительные средства языка, как эпитеты («светлые небеса»), сравнения («как будто солнце красное над снегом»).

В рубцовской поэзии почти нет цветowych эпитетов, есть только обычные, «повседневные» прилагательные, такие, как «синие небеса», «зеленеющие сады», «желтый листопад» и т. д. Но отсутствие цветовой образности возмещается пронизывающей лирику поэта «стихией света», как назвал ее Вадим Кожин.

Валерий Дементьев замечает: если рубцовской «сокровенной мысли найти световой эквивалент, то им было бы предвечернее». В самом деле, нетрудно заметить, что довольно часто у Рубцова можно встретить свет или огонь именно в вечернее время.

Нельзя также не отметить, что тьма и ночь встречаются в лирике поэта ничуть не реже, чем тот же свет или огонь. Наиболее часто употребляется слово «мгла». Соотношение света и тьмы характерно для лирики Рубцова, а антонимы «черный» и «белый», которые многократно выступают в его стихах, чаще всего имеют не цветовой, а скорее световой значение. Они могут быть заменены синонимами «темный» и «светлый» соответственно:

... И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень.

Лошадь белая в поле темном...

... И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч...

«Огонь» слов Рубцова выражается в умении поэта четко передать то настроение в душе лирического героя, которое он в данный момент переживает.

Развитие образа света и огня идет постепенно: если в ранних стихах читатель нечасто может встретить «световые» слова, то с течением жизни поэта значение света и огня «усиливается», увеличивается сама глубина понимания световых оттенков, не зря критики, описывая «стихию света», делают это в основном на примере поздней лирики.

Проанализировав стихотворение «Да, умру я» (1954) и другие стихотворения, написанные с 1957 по 1962 г., приходим к выводу, что «свет» («заря», «солнце») то зажигается в душе лирического героя, рождает веру в будущее, становится символом надежды и верности (стихотворение «Я тебя целовал...»),

то является символом домашнего очага, тепла, чистоты и добра («Портовая ночь»). Но эта сила может быть привораживающей и уничтожающей (стихотворение «Венера»). «Играющий свет засиял» – и принес смерть человеку, замороженному красотой.

В произведениях «Не пришла» и «Сто нет» свет (причем зеленый – обычно это цвет надежды) является предвестником разлуки двух любящих людей.

А в стихотворении «Обо мне говорят...» свет – символ надежды, веры, счастья.

Итак, в раннем творчестве поэта образ света довольно-таки абстрактен, еще не является всевластной «стихией», но важнейшие темы, связанные со светом, огнем, уже начинают в этот период оформляться – это темы тепла и уюта домашнего очага, надежды и веры.

Период с 1962 по 1971 может расцениваться как пик творчества Н. Рубцова. Лучшие его стихотворения были созданы в это время («Русский огонек», «Звезда полей» и т. д.).

Образ света становится стихией света, которая врывается почти в каждое стихотворение Рубцова этого времени. Очень часто встречаются такие слова, как «солнце», «заря», «небо», «луна», «звезды» и т. д.), и тем более эпитеты от этих корней – «солнечный», «лунный», «звездный», «небесный», «пламенный» и т.д. В. Кожин считает, что «даже слова, обозначающие время суток – день, ночь, утро, вечер, а также восход, закат и т. п., выступают в стихах Н. Рубцова главным образом в световом плане».

Для поздней лирики поэта характерен световой зачин:

Светлый покой опустился с небес...

В потемневших лучах горизонта...

Когда заря смеркается и брезжит...

Звезда полей во мгле заледенелой...

Я забыл, что такое любовь,

И под лунным над городом светом...

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что поэтический мир поэта буквально переполнен световыми деталями.

В. Кожин отмечает: «Подчас стихия света нагнетается с такой интенсивностью, которая свидетельствует об осознанной воле поэта».

... И озаряемый луною,

Светился тихо край родной.

Светился сад, светилось поле...

Слово «свет» часто у Рубцова обозначает душевное состояние:

Светлый покой опустился с небес
И посетил мою душу!..

«Светлая печаль» сопоставляется с «лунным светом», то есть свет души соотносится со светом мира. Свет в душе – полная гармония лирического героя с миром. Образ света является воплощением идеи единения человека с окружающим миром. Свет – это всегда надежда, вера в лучшее.

Необходимо также отметить так называемые «рубцовские» оттенки света: «мерцающий», «тусклый», «смутный», «расплывчатый», «сумрачный» и т. д. Рубцов создает такой многообразный световой мир не только для красоты стиха, но и для точного определения состояния души лирического героя.

В поэзии Рубцова нередко наблюдается контраст света и тьмы. Я думаю, что таким образом поэт хочет обратить внимание читателя на противоборство двух стихий – стихий света и тьмы. Возможно, борьба происходит в душе лирического героя – вечная борьба добра и зла.

Отметим также музыкальность «световых» стихотворений Рубцова. Удивительно точно и плавно поэт передает красоту природы, красоту мира:

Летят журавли высоко,
Под куполом светлых небес...

И холодно так и чисто,
И светлый канал волнист...

Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...

Слово «светлый» не только эстетически насыщает стихотворение, но и является как бы проявлением стихии света, которая создает гармонию в природе. Стихия света рождает в человеке смысл жизни, гармонию с миром, а стихия тьмы – это обреченность и пессимизм.

В поздней лирике Н. Рубцова, продолжают развиваться темы, связанные с образом огня-света: тема домашнего очага (стихотворения «В горнице», «Зимовье на хуторе»), тема родины (стихотворения «Ночь на родине», «В святой обители природы...», «Зимняя песня», «В горной долине») и др.

... И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

Свет в душе лирического героя появляется вместе с любовью к родине.

Почти в каждом стихотворении поздней лирики есть образ света, он становится мирообразующей «стихией», но настоящие шедевры – это «Русский огонек» и «Звезда полей». Рассмотрев эти стихотворения, приходим к выводу, что огонь (свет) становится спасением для путника, символом надежды и добра.

... Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя...

Таким образом, можно сделать главный вывод: свет в поэзии Рубцова – образ, несущий в себе философское начало. Образ света-огня символизирует очищение души лирического героя, он определяет гармонию героя с окружающим миром, его единение с этим миром. Поэт ищет смысл жизни и находит его в вере в лучшее, в надежде. Домашний очаг становился для поэта источником тепла и добра. Поэтический мир Н. Рубцова настолько переполнен светом, что любой читатель сразу обратит внимание на «световые» слова, обретающие философское значение. И каждый читающий стихи Н. Рубцова понимает, что свет является символом веры и надежды, добра и родного дома.

«РУСЬ МОЯ, ЛЮБЛЮ ТВОИ БЕРЕЗЫ!»
(Анализ стихотворения Н. Рубцова «Березы»)

Основной образ этого стихотворения – березы, а его содержание – чувства героя по отношению к этим красивым деревьям, являющимся для него не просто частью родной природы, но и частью его жизни. Березы, «сопровождали» поэта на протяжении всей жизни, стали неотъемлемым элементом его духовной биографии. Образы родной природы («ветер хмурых дней», «желтый листопад») перекликаются с важными событиями в жизни самого поэта. Поэтому береза – это еще и символическая веха развития его внутреннего мира («Ведь шумит такая же береза Над могилой матери моей»).

Большую значимость для раскрытия лирической темы в поэзии приобретают ключевые слова. В данном стихотворении они группируются вокруг главного ключевого слова «береза». С ним неразрывно связаны и «люблю», и «радость», и «боль». Свои чувства лирический герой соотносит явлениями природы:

На войне отца убила пуля,
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад.

Словно дунет ветер хмурых дней
Над могилой матери моей.

Авторская идея раскрывается в последних строках стихотворения:

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

Теперь, по прошествии лет, герой понимает и осознает, как помогла ему родная природа, ему, рано потерявшему родителей. Она словно «заменила» ему родных и близких. Свою силу и свое вдохновение герой черпает из родников природы, из березок, что он видит каждый день. Под шелест их листьев он вспоминает свою жизнь. И плачет, потому что потерянное им когда-то не

вернется. Так же безвозвратно улетают с деревьев листья. При чтении стихотворения возникают определенные ассоциации: «Русь моя» – мать, «твои березы» – руки матери.

Исходя из этого, можно выделить и основную мысль текста: единство человека и природы. Заглавие стихотворения очень точно отражает и тему, и авторскую задачу, и основную мысль текста, так как именно при посредстве образов родной природы (березы, ветер, дождь, листопад) герой осознает тайную связь, которая соединяет и его жизнь с явлениями окружающего мира.

Остановимся на тропах как средстве художественной выразительности. В тексте их сравнительно немного. Среди их, есть метафоры («все очнется в памяти», «побеждает проза»), сравнения («будто кто-то шепчет о любви», «шумел, как улей»), синекдоха («на войне отца убила пуля»), оксюморон («станет как-то радостно и больно»). Несмотря на то, что эти художественные средства малочисленны, они способствуют раскрытию темы, основной мысли текста. Их употребление соответствует задаче автора.

Самый главный мотив – мотив единства человека с природой – раскрывается наиболее полно тогда, когда герой вспоминает о трагических событиях в его жизни. Мотив утраты прямо соотносится с образом природы – листопадом. Мотив любви лирического героя к природе реализуется многопланово. В начале стихотворения он помогает выразить душевное состояние героя как отдельной личности («Я люблю, когда шумят березы...»). В конце стихотворения этому мотиву придается более широкое звучание:

Русь моя, люблю твои березы!

Любовь к родному краю, прошедшая очищение страданием, обретает национальный масштаб. Это характерный для Рубцова художественный прием: расширение темы по мере развития лирического сюжета.

В стихотворении используются различные виды ассоциативной связи. Это, прежде всего, цепная связь:

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю – и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Она важна для организации повествования и осуществляется путем варьирования одного и того же слова: («березы – берез», «слезы – слез»).

Есть в тексте и парамельная связь. Она играет заметную роль в построении образов, в соотношении явлений различного плана.

Только чаще побеждает проза.
Словно дует ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

Очень интересно в стихотворении представлены время и пространство. Временную нить можно разделить на два отрезка: прошлое и настоящее. Лирический герой вспоминает о событиях прошедших («На войне отца убила пуля...»). Но он также отчетливо осознает то, что с ним происходит в настоящем («Все очнется в памяти невольно»). Прошлое и настоящее неразрывно связаны в произведении, поэтому герой снова и снова возвращается к прошлому, чтобы лучше понять настоящее.

Пространство в стихотворении неоднородное. В зависимости от образной нагрузки оно может быть широким и узким. Широкое пространство – это Русь, самое дорогое и любимое для героя. Но Русь для него – не только обобщающий образ. Представление о Руси воплотилась еще и в конкретных образах родной природы. Березки – «подруги» лирического героя, которые были с ним на протяжении всей жизни.

Узкое пространство – это внутренний мир лирического героя, его душа. Душевное состояние героя изменяется на протяжении всего произведения. Так, сначала спокойное, оно сменяется слезами. Но это слезы облегчения, может быть, освобождения. Именно поэтому герою одновременно «как-то радостно и больно...» Он плачет, вспоминая самого родного и близкого человека на свете – мать. Но ему в то же время легко и радостно: ведь мать – светлый образ памяти.

Прием умолчания, неоднократно повторяющийся, также способствует выразительной характеристике эмоционального состояния героя: «Вот такой же желтый листопад...» Многозначие обрывает фразу. Почему же герой замолчал? Ему очень больно и горько вспоминать об утрате такого дорогого и близкого человека, как отец. Это умолчание способствует переходу от прошлого к настоящему. Пауза становится знаком времени, которое прошло с тех пор. В стихотворении есть еще одно умолчание. Им завершается текст:

Потому и набегают слезы,
На глаза, отвыкшие от слез...

Так осуществляется выход из рамок отдельного произведения. Стихотворение как бы находит продолжение в душе каждого читателя.

Стихотворение отличается осознанным использованием глаголов в том или ином времени. Глаголы настоящего времени используются на протяжении

всего произведения, а глаголы прошедшего времени лишь в воспоминаниях лирического героя. Причем глагол прошедшего времени несовершенного вида «шумел» (листопад) создает впечатление протяженности во времени. Эта протяженность особенно заметна в начале стихотворения («люблю», «шумят», «падают», «слушаю», «набегают»). Глаголы настоящего времени несовершенного вида в данном контексте имеют вневременное значение, словно это происходит с героем всегда, когда он слышит шум берез.

Глаголы совершенного вида, напротив, обозначают внезапность, неожиданность, что усиливается еще и наречием «невольно» («Все очнется в памяти невольно»). Наречий в стихотворении совсем немного, но они очень точны и образны: «Станет как-то радостно и больно». Наречия в данном случае отражают чувства лирического героя. С точки зрения морфологии стихотворение не совсем обычно. Так, в нем мало используются не только наречия, но и прилагательные. Однако художественная выразительность от этого не уменьшается. Напротив, оттого, что прилагательных мало, они становятся особенно выразительными. В словосочетании «ветер хмурых дней» прилагательное способствует метафоризации. Благодаря ему возникает олицетворение. Дни уподобляются хмурому человеку.

Особенно велика образная нагрузка в последней строфе. Когда поэт восклицает: «Русь моя, люблю твои березы!», – в устаревшем названии «Русь» воплощается безграничное уважение к своей родной стране, а в слове «моя» дает о себе знать интимно-личностное отношение лирического героя к ней. Для него это не просто страна, а самая любимое и дорогое в мире. Кроме того, Русь у Рубцова – это еще и внутренний мир самого лирического героя, потому что она не только географическая или историческая категория, но и духовная сущность.

Высокохудожественное произведение, каким является и стихотворение Н. Рубцова, – это всегда гармония звуковой и образной природы слова. Поэтому истинный поэт всегда находит наилучшее фонетическое оформление мысли, художественного образа и особенно лирического чувства. Вдохновение подсказывает, какие слова нужно подобрать и как их соединить, чтобы достичь благозвучия. Эта закономерность прослеживается и в стихотворении «березы». Рассмотрим образы в произведении с точки зрения их звукового оформления.

Как уже говорилось, образ листопада в стихотворении наделен негативным смыслом. Чтобы передать неприятные ощущения от того, как шумит листопад, выразить отрицательное отношение лирического героя к этому явлению, поэт использует свистящие, грубые, резкие звуки и звуки звонкие, показывающие эмоционально-напряженное состояние лирического героя.

С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад.

С одной стороны – [с], [ж], [ш], с другой – [в], [р], [д], [л].

Образ лирического героя очень ярко воплощен и в звуках. Его мысли и чувства – это звуковые повторы. Например, ассонансы:

Всё очнётся в памяти невольно
Отзовётся в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

В этих строках описывается такое душевное состояние героя, когда ему легко и радостно даже при воспоминаниях о трагических событиях его жизни. Аллитерация, напротив, не подчеркивает сложность и драматизм событий, а усиливает эмоции радости, любви к своей родине – России:

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я сними жил и рос,
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Звонкие [л], [р], [з] усиливают положительные эмоции лирического героя.

По звуковым особенностям стихотворения можно проследить и интонационный рисунок произведения, который отражает те или иные особенности лирического героя. Когда он говорит о своей любви к родной природе в самом начале стихотворения, мы ощущаем чувство радости, но в отличие от эмоций, выраженных в конце произведения, они не такие бурные, стихийные, потому что рождаются – от раздумий. В конце же стихотворения эти эмоции очень яркие и неожиданные. При воспоминаниях о смерти матери и гибели отца преобладают «печальные ассонансы» ([y]). Кажется, будто мы коснулись обнаженных струн души лирического героя.

В заключение мне бы хотелось бы привести слова Виктора Коротяева: «Идет время и открывает нам истинную цену всего, что создано Николаем Михайловичем Рубцовым. И время, которое обычно отдаляет ушедших, на этот раз – напротив – словно бы приближает к нам личность этого незаурядного русского лирика. Ему суждена долгая жизнь, потому что в его поэзии открываем мы все большие глубины и прозрение, постоянно испытывая на себе ее неотразимое очарование. И его звезда – чистая звезда поэзии – светит нам в пути. И разгорается с каждым днем все ярче!»

Алексей Анашкин
СШ № 6 им. Н. В. Кузьмина
г. Сердобска (10 класс)
* * * * *

ТЕМА РОДИНЫ В ПОЭЗИИ Н. А. НЕКРАСОВА, А. А. БЛОКА И Н. М. РУБЦОВА

Вологда – древний русский город на севере России. Это областной центр, но по размерам он не очень велик. Чем Вологда знаменита? Конечно, на ум прежде всего приходят Иван Грозный, Софийский собор, Дионисий... Здесь каждый камень древностью дышит. Но Вологда – не только древность. Вологда – это ведь и Рубцов! Ее уже невозможно представить без Рубцова. С Рубцовым она связана прочно и навечно.

Поэт, наверное, никогда не думал, что город, в котором он после долгих скитаний получил наконец скромную однокомнатную квартиру, будет ассоциироваться с ним, как Пенза ассоциируется с Лермонтовым, Рязань – с Есениным, Смоленск – с Твардовским. Однако именно так случилось. Более того, мотивы поэзии Рубцова просвечивают не только в образе Вологды, но и в образе России. Это не случайно, потому что он был одним из самых преданных ей поэтов. Он был поэтом настоящим. Талантливым. Большим... Стихи Рубцова мудры и светосны, потому что их одухотворяет любовь: любовь к матери, к отчему краю, к облакам, к деревьям, к окружающим людям, к многообразной и неповторимой жизни. Эта любовь и рождает поэтическое вдохновение, то состояние, когда лирическому герою хочется петь:

Хочу запеть про тонкую рябину,
Или про чью-то горькую судьбину,
Или о чем-то русском вообще...

Строки эти сродни творческому предощущению А. А. Фета:

...не знаю сам, что буду
Петь, – но только песня зреет.

Но в них есть и нечто свое, чисто «рубцовское», принадлежащее русской поэзии конца XX века. Поэзия Н. Рубцова, по сути дела, открывает то направление в современной поэзии, которое называют «тихой лирикой». Это не

только определение особенностей звучания, эмоциональной «тональности». Принадлежность к «тихой лирике» предполагает и ориентацию на строгость классических форм, стремление к глубине и ясности, но более всего – «простоту, добро и правду». В самом деле, что может быть проще:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Тема Родины – основная в творчестве Рубцова. К этой теме обращались едва ли не все русские поэты. И у каждого из них был свой особый подход к ней, свои образы, воплощающие неповторимо-личные настроения и переживания.

В стихах Некрасова появляется Родина-мать. Это интимно-лирический образ, но особого типа. В нем сильно проявляются гражданские интонации. Кроме того, хотя Родина, Россия неизменно называется матерью, сам этот образ Родины-матери и образ матери как таковой не соотношены у Некрасова друг с другом, они существуют сами по себе, по отдельности.

У Блока образ России тесно связан с образом Жены («Русь моя – Жена моя»). Это не только чувство глубокой любви и привязанности, это и ответственность за общую судьбу.

У Рубцова образ Родины предельно конкретизирован, насыщен деталями и наделен приметami определенного места «во глубине России»:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

Прямого сопоставления матери и Родины нет. Но есть внутренняя «самая смертная связь», которая дает о себе знать «между строк».

Конкретика поэзии Блока иная. Она насквозь символическая. Россия и любимая женщина у него соотношены так, что сущностные качества одного образа раскрываются через качества другого. Программные стихи 1907 года – вступление к циклу «Родина» – в рукописи были посвящены Любови Дмитриевне Менделеевой. К ней поэт обращался как к залого спасения, которое дарит Родина. Примечательно, что сама жена Блока не чувствовала себя пригодной для исполнения той роли, которой пытался наделить ее поэт. Слишком уж ко многому обязывающей была эта роль. В стихах 1909 года «Под шум и звон однообразный...» Блок писал:

При всех различиях трактовки образа Родины, дорога к России у Некрасова, Блока, Рубцова была дальней.

Некрасову, даже уже вступившему в середине сороковых годов на путь реализма и народности, чувство России как целого, идея России оказались не по плечу. Он больше тяготел к социальной, а не философской проблематике. В 1846 году Некрасовым было создано стихотворение «Родина». Оно явно ориентировано на художественный опыт Лермонтова. Но общность стихов Лермонтова и Некрасова только подчеркивает их различие. У Некрасова Родина – это, прежде всего, место рождения, с Россией как целым не соотношенное. Выигрывая в конкретности и определенности социальных характеристик, стихотворение показывает в то же время, сколь Некрасов в сравнении с Лермонтовым эмпиричен. Нет никакого противопоставления, подобного лермонтовскому, нет никакой России как единого целого, хотя и дана верная и значимая картинка русской жизни.

Проблема бытия России в ее прошлом Некрасова волновала сравнительно мало. Блок же начал свои культурно-исторические экскурсы с Руси до византийской, с пра-России. У Блока мы находим Русь древних стихий, легенд и поверий. Если искать для образов Блока параллели в живописи, то надо назвать и Рериха, и Нестерова, и Врубеля. Само по себе это осмысление национальной истории в больших масштабах вызывала эпоха трех революций, эпоха «неслыханных перемен и невиданных мятежей».

Центральное произведение цикла «Родина» – стихотворение «Россия». По сути – это целая лирическая поэма, подготовленная многими предшествовавшими опытами, прежде всего такими, как «Осенняя воля» и «Русь». Интересно, что тематически стихотворения эти как будто должны были бы войти в цикл «Родина», но так и не вошли в него. Они – этюды, пусть гениальные, как «Осенняя воля», но еще далекие от завершенности.

У Блока, в отличие от Пушкина, Лермонтова, тем более от Тютчева, Россия персонифицирована: она предстает в его стихах как человек, вернее, как живое существо. Характер отношений оказывается бесконечно сложным. Блок писал: «...в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайная равнина – изначальная Родина, может быть, сама Россия». Это – как итог мучительных исканий.

Говоря о Родине, самое трудное – не впасть либо в громогласность, либо в слащавую сентиментальность. И то и другое в истории русской литературы

бывало. Рубцов – один из редких лириков, чье поэтическое отношение к Родине пробуждает неподдельный душевный трепет. Нежность к Родине у Рубцова неотделима от жажды человеческой чистоты:

...Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

Когда человек чист, когда он принадлежит Родине, а Родина принадлежит ему, когда он чувствует себя включенным в мир («все во мне, и я во всем»), тогда есть надежда, воля к жизни и ласка к человеку, есть будущее:

Кто мне сказал, что во мгле заметенной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

«Родина – огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку», – писал А. Блок. Такое «оживление», такая персонификация понятия «Родина» прямо связаны с тем, что поэт тонко ощущал динамизм, подвижность, текущий характер русской жизни. Россия для него – не государство, не национальное целое, не отечество в отвлеченном смысле. Он понимал ее как некое соединение многообразных начал, постоянно меняющее свой внешний образ, как нечто непрерывно текущее (гераклитовский мир) и, однако, не изменяющееся в чем-то основном. Наиболее близко определяют это понятие слова: «народ», «народная душа», «стихия», но каждое из них, взятое по отдельности, все-таки не исчерпывает всего музыкально-богатого смысла слова «Россия».

В поэзии Блока речь идет о России сложной, противоречивой, готовящей ответ, но еще не дающей его. Ответ этот – революция, в которой только, по словам Блока, и «мужает Россия». Проблема революции, России, неизбежно ставила перед Блоком проблему народа. Для Блока, как и для Некрасова, проблема России была органично слита с проблемой народа. Для Некрасова Россия есть прежде всего народная Россия, а сама эта народная Россия есть главным образом Россия крестьянская.

У Н. Рубцова Россия неотрывна от личной судьбы лирического героя. Основными мотивами его поэзии являются дорога, разлука, возвращение. Тему движения несут в себе такие образы, как путь, лодка, конь. Жажда движения выражена любовью к стихийным проявлениям природы: к ветру, грозе, метели – издавна они связывались с представлением о раскованности, об освобождении через страдания и борьбу. Стихия, ветер – постоянные участники лирического действия – несут в себе глубокий, важный для Рубцова смысл

Может показаться, что жажда движения, неудовлетворенность настоящим своим состоянием, поиск небывалых вольных пространств делают лирического героя Рубцова не создателем жизни, а проходящим наблюдателем ее. Но это не так. Понять это можно, ответив на вопрос: что же сформировало такую поэзию? Ответ можно получить, вникнув в тот клубок противоречий, влияние которого на свою судьбу остро ощущал сам поэт. Одно из противоречий бросается в глаза прежде всего: одновременно с жаждой движения лирическим героем Рубцова владеет огромная тяга к покою. Она выражена в образах, несущих в себе признак постоянства, черты неизменного идеала: звезда полей, полночное светило, Россия, деревня, природа:

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И отраженной глубиной»
Как сон столетний, божий храм.

Александр Блок тоже стремился к тому, чтобы сильнее прозвучало эпическое начало, чтобы явственнее выступила сама Россия. Он стремился создать масштабный образ. В некоторых его стихах Русь оказывается даже образом аллегорическим.

Русь опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна...

Путь Блока шел от «Руси» к «России», и сам центральный образ постепенно трансформировался. Здесь в полной мере проявилась яркая особенность творческой индивидуальности поэта: удивительная смелость переходов от общего к частному, смелость совмещений общего и частного.

У лирического героя Н. Рубцова одна судьба, одна родина, одна Россия и ее история. Николай Рубцов – человек Севера. Русский Север хранит национальные традиции. Выше всего здесь ценятся трудовое достоинство, справедливость и доброта. Доброта и нежность в отношении к реальному миру –

важный мотив лирики Рубцова. Это качество души берет начало в национальном характере. Просто, ясно, открыто, с утраченной многими поэтами XX века естественностью, поэт не устает радоваться купавам, анютиным глазкам, подорожникам, иве, реке, соловью...

Приуныли в поле колокольчики,
Для людей мечтают позвенеть,
Но цветов певучие бутончики
Разве что послушает медведь..

Тема памяти – одна из сквозных тем в поэзии Н. Рубцова. Она отчетливо дает о себе знать уже в первой из зрелых книг поэта – в «Звезде полей» (1967). Характерное, чисто «рубцовское» ее решение опосредовано стихией лиризма. Лирическое чувство поэта, выхватывая из глубины ушедших веков важные события и образы нашей истории, соединяет воедино прошлое, настоящее и грядущее. Так построено стихотворение «Видения на холме» – вещь программная для Рубцова. Здесь воплощены его идеалы, обозначен его путь к России, дано осмысление той связи времен, которая стала основой поэтического мироощущения Рубцова. Поэтическое ощущение истории здесь живое, ненадуманное, органическое, потому что оно возникает из лирического и эпического контекстов стихотворения.

Взбегу на холм и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!

Видения лирического героя – это видения исторически реальные. В них есть оттенок трагизма. Поэт «видит наяву», как «тупой башмак скуластого Батыя» затмевает свет, затмевает светлый образ России. Но это только «на миг». Потому что Батый и ему подобные – лишь эпизод в многовековой истории. А дальше – признание в любви:

Люблю твою Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покая...

Признание это выражено очень простыми словами, которые, будучи изъяты из контекста, из лирической стихии, могут показаться даже банальными. Негромкий патриотизм, выраженный в стихотворении, как бы преодолевает все многотрудные испытания, выпавшие на долю Родины:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы...
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.
Кресты, Кресты... Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смиренно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.

Страшное видение («кресты, кресты» – как символ страшных бед тысячелетней России) прерывается неожиданно просто, спокойным пейзажем, в котором – словно итог многовекового пути – «бессмертных звезд Руси, спокойных звезд безбрежное мерцанье».

Поэтические размышления о многовековом прошлом России ведут поэта и нас, читателей, к ее настоящему и через него – к размышлениям о будущем, за которое стало так тревожно в XX веке:

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выльав на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти дойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Как достигает поэт «вневременного», вернее, «всевременного» существования на земле? Судьба «героя» сливается в его размышлениях о судьбах родины с многовековой судьбой страны и народа. Именно народное мироощущение, которое так глубоко выражено в лучших стихах поэта, и создает ту протяженность во времени, которую можно назвать бессмертием. Поэтическое «я» вступает в союз со многими другими «я», образуя общность людей, называемую народом. А через слияние с судьбой своего народа происходит слияние с судьбой всемирной, с судьбами человечества.

Постоянное стремление к диалогу необходимо поэту для жизни в настоящем, но идеал он ищет в прошлом, в истории Родины. Существует уже устоявшаяся традиция называть Николая Рубцова певцом прошлого, поэтизирующим чуть ли не патриархальную Русь. Как далеко это от истины! В истории Родины поэт находит подлинную напряженность возвышенного существования. Но он ясно ощущает присутствие идеала и в близкой ему реальности. Этиче-

ский идеал поэта высок, и существование этого идеала непрерывно. Прошлое и настоящее – звенья одной цепи.

Связь времен, явственно обнаруживается в стихотворении «Привет, Россия...» Название его, само это непосредственное обращение к России, поначалу может показаться даже фамильярным. Но поэт мог сказать так: этот возглас оправдан всем лирическим контекстом стихотворения. Обратимся к произведению непосредственно. Что прежде всего поражает в ходе его восприятия? Необычность и... естественность смысловых ассоциаций. Стихия ветра, стихия времени обостряют чувство родной земли:

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле – по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильнее,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия, родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

У лирического героя Н. Рубцова будущего, устремленного в вечность, нет. Его человеческое существование ограничено во времени. Будущее как вечность есть у Родины. Недаром как заклинание на все времена звучит:

Россия, Русь! Храни себя, храни!

В лице Н. Рубцова мы имеем большого национального поэта, лирика-гражданина, который судьбой своей остро поставил вопрос о содержании нашей жизни, о ее духовной наполненности.

Использованная литература

- Булавинцев Н. Николай Рубцов // Мир людей. – 1996. – № 4.
Зуев Н. Николай Рубцов и национальная поэтическая традиция // Литература в школе. – 1996. – № 1.
Иванов Г. Стихи о России Александра Блока // Аллполон. – 1915. – № 8 – 9.
Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели. – Л., 1973.
Тяпутина Н. Ю., Разводова О. А.. «Тихая лирика». – Саратов, 1999.